
ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ОСНОВАНИЕ

Сущность определяет самое себя как основание.

Подобно тому как *ничто* сначала находится в простом непосредственном единстве с *бытием*, так и здесь простое тождество сущности сначала находится в непосредственном единстве с ее абсолютной отрицательностью. Сущность есть только эта своя отрицательность, которая есть чистая рефлексия. Она есть эта чистая отрицательность как возвращение бытия в себя; таким образом, она *определена в себе* или для нас как основание, в котором растворяется бытие. Но эта определенность не положена *ею самой*; иначе говоря, сущность не есть основание, именно поскольку *ею самой* эта ее определенность не положена. Но ее рефлексия состоит в том, чтобы *положить* себя как то, что она есть *в себе*, положить как отрицательное и *определить* себя. Положительное и отрицательное составляют то существенное определение, в котором она исчезла как в своем отрицании. Эти самостоятельные рефлексивные определения снимают себя, и исчезнувшее в основании определение есть истинное определение сущности.

Поэтому *основание* само есть *одно из рефлексивных определений* сущности, однако последнее из них, вернее, лишь определение как снятое определение. Рефлексивное определение, исчезая в основании, приобретает свое истинное значение — быть абсолютным самоотталкиванием (Gegenstoss) себя в само себя, а именно, положенность, присущая сущности, дана лишь как снятая положенность, и, наоборот, лишь снимающая себя положенность есть положенность сущности. Сущность, определяя себя как основание, определяет себя как не-определенное, и лишь

снятие ее определенности есть процесс ее определения. — В этой определенности как снимающей самое себя она не сущность, происходящая из иного, а сущность, тождественная с собой в своей отрицательности.

Поскольку от определения как первого, непосредственного идут дальше к основанию (в силу природы самого определения, которое погружается в основание через себя), основание есть прежде всего нечто определенное этим первым. Однако этот процесс определения как снятие процесса определения есть, с одной стороны, лишь восстановленное, очищенное или выявившееся тождество сущности, которое рефлексивное определение есть *в себе*; с другой стороны, лишь это отрицающее движение как процесс определения есть полагание той рефлексивной определенности, которая являла себя непосредственной, но которая лишь положена исключаящей самое себя рефлексией основания, и притом положена лишь как нечто положенное или снятое. — Таким образом, определяя себя как основание, сущность происходит лишь из себя. Следовательно, как *основание* она *полагает себя как сущность*, и процесс ее определения в том именно и состоит, что она полагает себя как сущность. Это полагание есть рефлексия сущности, *снимающая* самое себя в *процессе* своего *определения*, — есть, с этой стороны, *полагание*, а со стороны процесса определения — *само* (das) *полагание сущности*, стало быть, и то и другое в одном действии.

Рефлексия — это *чистое опосредствование* вообще, основание — это *реальное опосредствование* сущности с собой. Рефлексия, движение ничто через ничто обратно к самому себе, *просвечивает* в *ином*; но так как противоположность в этой рефлексии еще не обладает самостоятельностью, то ни первое — просвечивающее — не есть положительное, ни *иное* — то, в чем оно просвечивает, — не есть отрицательное. Оба, собственно говоря, суть субстраты одной лишь силы воображения: они еще не соотносятся с самими собой. Чистое опосредствование — это лишь *чистое соотношение* без соотносящихся [определений]. Хотя определяющая рефлексия и полагает такие соотносящиеся [определения], которые тождественны с собой, однако они в то же время только *определенные соотношения*. Основание же — это реальное опосредствование, потому что содержит рефлексия как снятую

рефлексию; оно сущность, *возвращающаяся в себя через свое небытие и полагающая себя*. В соответствии с этим моментом снятой рефлексии положенное приобретает определение *непосредственности*, чего-то такого, что вне соотношения или своей видимости тождественно с собой. Это непосредственное есть восстановленное через сущность *бытие* — небытие рефлексии, которым сущность опосредствует себя. Сущность возвращается в себя как отрицающая; таким образом, возвращаясь в себя, она сообщает себе определенность, которая именно поэтому есть тождественное с собой отрицательное, снятая положенность, и тем самым также и нечто *сущее* как тождество сущности с собой в качестве основания.

Основание есть, *во-первых, абсолютное основание*, в котором сущность прежде всего дана как *основа* вообще для отношения основания; точнее говоря, основание определяет себя как *форму и материю* и сообщает себе *содержание*.

Во-вторых, оно *определенное основание* как основание определенного содержания; поскольку отношение основания, реализуя себя, становится вообще внешним себе, оно переходит в *обуславливающее* опосредствование.

В-третьих, основание предполагает условие; но условие в такой же степени предполагает основание; необусловленное — это их единство, *сама суть дела* (die Sache an sich), которая через опосредствование обуславливающего отношения переходит в существование.

П р и м е ч а н и е [Положение об основании]

Основание, подобно другим рефлексивным определениям, было выражено в положении: *все имеет свое достаточное основание*. — Смысл этого положения только в следующем: все, что есть, необходимо рассматривать не как *сущее непосредственное*, а как *положенное*; нельзя ограничиваться непосредственным наличным бытием или определенностью вообще, а следует возвращаться от этого наличного бытия к его основанию, в какой рефлексии оно дано как снятое и в своем в-себе-и-для-себя-бытии. Следовательно, в положении об основании находит свое выражение сущность рефлексии в себя в противоположность чистому бытию. — Что основание *достаточ-*

но — добавлять это, собственно говоря, совершенно излишне, ибо это разумеется само собой; то, для чего основание было бы недостаточным, не имело бы никакого основания, а между тем ведь все должно иметь свое основание. Но Лейбниц, которому особенно по душе был принцип достаточного основания и который даже сделал его основоположением всей своей философии, связывал с ним более глубокий смысл и более важное понятие, чем те, что обычно связывают с ним, довольствуясь лишь непосредственным выражением, хотя положение следует признать важным уже и в этом смысле, а именно потому, что бытие, как таковое, объявляется в его непосредственности истинным и по существу своему чем-то положенным, а основание — истинным непосредственным. Лейбниц же противопоставлял *достаточность* основания главным образом причинности в строгом смысле этого слова как механическому способу действия. Так как этот способ действия есть вообще внешняя деятельность, по своему содержанию ограниченная одной определенностью, то положенные им определения вступают в *связь внешне и случайно*; частичные определения постигаются через свои причины, но *соотношение* этих частичных определений, составляющее суть существования, не содержится в причинах механического. Это соотношение, целое как существенное единство, заключается лишь в *понятии*, в *цели*. Для этого единства механические причины недостаточны, так как в основании их не лежит цель как единство определений. Поэтому Лейбниц понимал под достаточным основанием такое основание, которое было бы достаточно также для этого единства и тем самым охватывало бы собой не просто причины, а *конечные причины*. Однако это определение основания сюда еще не относится; *телеологическое* основание — это достояние *понятия* и опосредствования понятием, а такое опосредствование есть разум.

А. АБСОЛЮТНОЕ ОСНОВАНИЕ

а) Форма и сущность

Рефлективное определение, поскольку оно возвращается в основание, есть первое, непосредственное наличное бытие вообще, с которого начинают. Но наличное бытие еще имеет лишь значение положенности и по своему

существо *предполагает* основание в том смысле, что оно его скорее не *полагает*, что это полагание есть снятие самого себя, а то, что непосредственно, есть скорее положенное, основание же — неположенное. Как оказалось, это *предполагание* есть полагание, возвращающееся (rückschlagende) к полагающему; как снятая определенность (Bestimmtheit) основание есть не то, что неопределенно, а определенная самой собой сущность, однако *определенная* как *неопределенная* или как снятая положенность. *Основание — это сущность, тождественная с собой в своей отрицательности.*

Определенность сущности как основания становится тем самым двойкой — определенностью *основания* и определенностью *основанного* (des Begründeten). Она, *во-первых*, сущность как основание, *определенная* быть сущностью, противостоящей положенности как *неположенности*. *Во-вторых*, она основанное, непосредственное, сущее, однако не в себе и для себя — положенность как положенность. Тем самым положенность точно так же тождественна с собой, но она тождество отрицательного с собой. Тождественное с собой отрицательное и тождественное с собой положительное есть теперь *одно и то же тождество*. Ибо основание — это тождество с собой положительного или даже положенности; основанное — это положенность как положенность, но эта его рефлексия в себя есть тождество основания. — Следовательно, само это простое тождество не есть основание, ибо основание — это сущность, *положенная* как неположенное, *противостоящее положенности*. Как единство этого определенного тождества (основания) и отрицательного тождества (основанного) оно *сущность вообще*, отличная от своего *опосредствования*.

Это опосредствование сравнительно с предыдущими рефлексиями, из которых оно происходит, не есть, *во-первых*, чистая рефлексия, каковая не отличается от сущности, и еще не включает в себе отрицательного и тем самым не имеет еще самостоятельности определений. В основании же как снятой рефлексии эти определения удерживаются. — Это опосредствование не есть также определяющая рефлексия, определения которой имеют существенную самостоятельность; ибо эта самостоятельность исчезла в основании, в единстве которого определения лишь положенные. — Вот почему опосредствование

основания есть единство чистой и определяющей рефлексии; определения этого опосредствования или положенное удерживаются, и, наоборот, удерживание этих определений есть нечто положенное. Так как это их удерживание себя само есть нечто положенное или имеет определенность, то они тем самым отличны от своего простого тождества и составляют *форму в противоположность* сущности.

Сущность *имеет* некоторую форму и определения формы. Лишь как основание сущность обладает прочной непосредственностью, иначе говоря, есть *субстрат*. Сущность, как таковая, едина со своей рефлексией и неотличима от самого движения рефлексии. Поэтому не сущность совершает это движение рефлексии; она также не есть то, с чего рефлексия начинается как с первого. Это обстоятельство затрудняет вообще изображение рефлексии; ведь нельзя, собственно, сказать, что *сущность* возвращается в самое себя, что *сущность* есть видимость внутри себя, так как ее нет *до* своего движения или в нем, и это движение не имеет основы, на (an) которой оно протекало бы. Лишь в основании нечто соотношенное выступает в соответствии с моментом снятой рефлексии. Сущность же как соотношенный субстрат есть определенная сущность; в силу этой положенности она по своему существу имеет в самой себе форму. — Определения же формы — это, напротив, такие определения, которые *находятся в сущности; сущность лежит в их основании* как неопределенное, безразличное к ним в своем определении; они имеют в ней свою рефлексию в себя. Рефлексивные определения должны были удерживаться в самих себе и быть самостоятельными; но их самостоятельность — это их распадение; таким образом, они имеют эту самостоятельность в ином; но это распадение само есть это тождество с собой или основание устойчивости (Bestehen), которое они себе сообщают.

К форме принадлежит вообще все *определенное*; оно определение формы, поскольку оно нечто положенное и тем самым отличное от *того*, форму *чего* оно составляет; определенность как *качество* едина со своим субстратом, бытием; бытие — это непосредственно определенное, еще не отличное от своей определенности, иначе говоря, в ней еще не рефлексированное в себя, равно как определенность есть поэтому сущая, еще не положенная определен-

ность. — Далее, свойственные сущности определения формы как рефлексивные определенности суть — по своей более точной определенности — рассмотренные выше моменты рефлексии — *тождество* и *различие*; различие — отчасти как разность, отчасти как *противоположность*. Но кроме того, к ним принадлежит и *отношение основания*, поскольку это отношение хотя и есть снятое рефлексивное определение, но благодаря ему сущность дана в то же время как нечто положенное. К форме же тождество, которое основание имеет внутри себя, не относится, а именно [не относится то], что положенность как снятая и положенность, как таковая, — основание и основанное — это одна рефлексия, составляющая *сущность как простую основу*, которая есть *удерживание* формы. Но это удерживание *положено* в основании; иначе говоря, эта сущность сама по своему существу дана как определенная; тем самым она опять-таки момент отношения основания и момент формы. — В том-то и состоит абсолютное взаимоотношение формы и сущности, что сущность есть простое единство основания и основанного, но в этом единстве как раз сама она определена или есть отрицательное и отличает себя как основу от формы, но таким образом сама становится в то же время основанием и моментом формы.

Поэтому форма есть завершенное целое рефлексии; она содержит и определение рефлексии — быть снятой; поэтому форма, будучи также единством своего процесса определения, равным образом *соотнесена* со своей снятостью, *с илым*, которое само не есть форма, но к которому она относится. Как *существенная*, соотносящаяся с самой собой отрицательность форма в противоположность этому простому отрицательному есть то, что *полагает* и *определяет*; простая же сущность — это неопределенная и *недеятельная* основа, в которой определения формы удерживаются или имеют рефлексию в себя. — Внешняя рефлексия обычно довольствуется этим различием сущности и формы; различение это необходимо, но само это различие есть их единство, равно как это единство основания есть сущность, отталкивающая себя от себя и делающаяся положенностью. Форма — это сама абсолютная отрицательность, или отрицательное абсолютное тождество с собой, именно в силу которых сущность есть не бытие, а сущность. Это тождество, взятое аб-

абстрактно, есть сущность, противостоящая форме, точно так же как отрицательность, взятая абстрактно как положенность, есть отдельное определение формы. Но определение, как оно обнаружилось, есть в своей истине целокупная, соотносящаяся с собой отрицательность, которая тем самым, будучи таким тождеством, есть в самой себе простая сущность. Поэтому форма имеет в своем собственном тождестве сущность, равно как сущность имеет в своей отрицательной природе абсолютную форму. Нельзя, стало быть, спрашивать, *каким образом форма присоединяется к сущности*: ведь она лишь видимость сущности внутри самой себя, имманентная ей собственная рефлексия⁴⁴. Точно так же и форма в самой себе есть возвращающаяся в себя рефлексия или тождественная сущность; в процессе своего определения форма превращает определение в положенность как положенность. — Она, следовательно, определяет сущность не так, как если бы она была поистине предположенной, обособленной от сущности, ибо в таком случае она несущественное, непрерывно исчезающее рефлективное определение и таким образом сама есть скорее основание своего снятия или тождественное соотношение своих определений. «Форма определяет сущность» означает, следовательно, что форма в своем различении снимает само это различение и есть тождество с собой, которое есть сущность как удерживание определения; форма есть противоречие: в своей положенности она снята и в этой снятости удерживается; тем самым она основание как сущность, тождественная с собой, когда она определена и подвергнута отрицанию.

Эти различия формы и сущности суть поэтому лишь *моменты* самого простого отношения формы. Но их следует рассмотреть подробнее и фиксировать. Определяющая форма соотносится с собой как снятая положенность; тем самым она соотносится со своим тождеством как с чем-то иным. Она полагает себя как снятую; тем самым она *предполагает* свое тождество; сущность есть в соответствии с этим моментом то неопределенное, для которого форма есть иное. Таким образом, сущность не есть такая сущность, которая в самой себе есть абсолютная рефлексия, а она *определена* как лишенное формы тождество; она *материя*.

в) Форма и материя

1. Сущность становится материей, когда ее рефлексия определяет себя так, что она относится к сущности как к лишенному формы неопределенному. Материя есть, следовательно, простое лишенное различий тождество, которое есть сущность, с определением — быть иным формы. Поэтому она собственная *основа* или субстрат формы, так как составляет рефлексия в себя определений формы или то самостоятельное, с которым они соотносятся как с положительным удерживанием себя.

Если абстрагироваться от всех определений, от всякой формы какого-нибудь нечто, то останется неопределенная материя. Материя есть нечто совершенно *абстрактное*. (— Материю нельзя ни видеть, ни осязать и т. д. — то, что видят или осязают, — это уже *определенная материя*, т. е. единство материи и формы.) Однако это абстрагирование, из которого проистекает материя, не есть лишь *внешнее* устранение и снятие формы, но, как было показано, форма через самое себя низводит себя до этого простого тождества.

Далее, форма *предполагает* материю, с которой она соотносится. Но это не значит, что форма и материя *противостоят друг другу* внешне и случайно; ни материя, ни форма не самосуци, другими словами, не *вечны*. Материя безразлична к форме, но это безразличие есть *определенность* тождества с собой, в которую форма возвращается как в свою основу. Форма *предполагает* материю именно потому, что она полагает себя как снятое и тем самым соотносится с этим своим тождеством как с чем-то иным. И наоборот, форма предполагается материей, ибо материя не простая сущность, которая сама непосредственно есть абсолютная рефлексия, а сущность, определенная как положительное, именно как то, что дано лишь как снятое отрицание. — Но с другой стороны, так как форма полагает себя как материю, лишь поскольку она сама себя снимает и тем самым *предполагает* материю, то материя также определена как *лишенное основания* удерживание себя. Равным образом материя не определена как основание формы; так как материя полагает себя как абстрактное тождество снятого определения формы, то она не тождество как основание, и потому форма по отношению к ней лишена основания. Тем самым форма и материя

определены, и та и другая, не как положенные друг другом, не как основание друг друга. Материя есть скорее тождество основания и основанного как основа, противостоящая этому отношению формы. Это общее им определение безразличия есть определение материи, как таковой, и составляет также взаимоотношение их обеих. Точно так же и определение формы — быть соотношением их как различных — есть другой момент их взаимного отношения. — Материя, то, что определено как безразличное, есть *пассивное* в противоположность форме как *тому, что деятельно*. Форма как соотносящееся с собой отрицательное есть противоречие внутри самого себя, есть то, что распадается, отталкивает себя от себя и определяет себя. Она соотносится с материей и *положена* так, чтобы соотноситься с этим удерживанием себя как с иным. Материя, напротив, положена так, чтобы соотноситься только с самой собой и быть безразличной к иному; но *в себе* она соотносится с формой, ибо содержит снятую отрицательность и есть материя лишь через это определение. Она соотносится с формой как с *иным* лишь потому, что форма в ней не положена, что она форма лишь *в себе*. В ней в скрытом виде содержится форма, и лишь потому она абсолютная восприимчивость к форме, что абсолютно имеет ее внутри себя и что таково ее в себе сущее определение. Поэтому *материя должна принимать форму, а форма должна материализоваться*, сообщить себе в материи тождество с собой, иначе говоря, устойчивость (Bestehen).

2. Поэтому форма определяет материю, а материя определяется формой. — Так как форма сама есть абсолютное тождество с собой и, следовательно, содержит в себе материю и так как равным образом материя в своей чистой абстрактности или абсолютной отрицательности обладает формой в самой себе, то действительные формы на материю и определяемость материи формой есть скорее лишь *снятие видимости их безразличия* и различности. Это соотношение процесса определения есть, таким образом, опосредствование каждой из них с собой ее собственным небытием; но оба этих опосредствования суть одно движение и восстановление их первоначального тождества: становление внутренним их становления внешним (Erinnerung ihrer Entäusserung).

Во-первых, форма и материя предполагают одна другую. Как выяснилось, это значит, что *одно* существенное единство есть отрицательное соотношение с самим собой; поэтому оно раздваивается на существенное тождество, определенное как безразличная основа, и на существенное различие или отрицательность как определяющую форму. Это единство сущности и формы, противопологающихся друг другу как форма и материя, есть *абсолютное основание*, которое *определяет* себя. Поскольку единство это превращает себя во что-то разное, соотношение в силу лежащего в основании тождества того, что разное, становится взаимным предположением.

Во-вторых, форма как самостоятельная есть, кроме того, снимающее само себя противоречие; но она и положена как противоречие, ибо она в одно и то же время и самостоятельна, и по своему существу соотносена с иным; тем самым она снимает себя. Так как она сама двусторонняя, то и это снятие имеет две стороны: *во-первых*, она снимает *свою самостоятельность*, превращает себя во что-то *положенное*, во что-то находящееся в ином, и это ее иное — материя. *Во-вторых*, она снимает свою определенность по отношению к материи, свое соотношение с ней, тем самым свою *положенность*, и этим сообщает себе *устойчивость*. Так как она снимает свою положенность, то эта ее рефлексия есть ее собственное тождество, в которое она переходит; но так как она в то же время делает это тождество внешним и противопоставляет его себе как материю, то указанная рефлексия положенности в себе дана как соединение с материей, в которой она приобретает устойчивость; следовательно, в этом соединении она сливается и с материей *как с чем-то иным* (с той своей первой стороны, с которой она превращает себя во что-то положенное) и в этой материи — также *со своим собственным тождеством*.

Итак, *деятельность формы*, которой определяется материя, состоит в отрицательном отношении формы к самой себе. Но и наоборот, она тем самым относится отрицательно и к материи; однако эта определяемость материи есть в той же мере собственное движение самой формы. Форма свободна от материи, но она снимает эту свою самостоятельность; но ее самостоятельность и есть сама материя, ибо в ней форма имеет свое существенное тождество. Поскольку она, таким образом, превращает

себя в положенное, то это равносильно тому, что она превращает материю в нечто определенное. — Но, рассматриваемое с другой стороны, собственное тождество формы в то же время становится внешним, и материя есть ее иное; постольку материя становится и неопределенной, оттого что форма снимает свою собственную самостоятельность. Но материя самостоятельна лишь по отношению к форме; если отрицательное снимает себя, снимается также и положительное. Следовательно, так как форма снимает себя, то отпадает также и определенность, которой материя обладает по отношению к форме, — быть неопределенной устойчивостью.

То, что являет себя как *деятельность формы*, есть, далее, в той же мере *собственное движение самой материи*. *В-себе-сущее* определение материи или ее долженствование — это ее абсолютная отрицательность. Через эту отрицательность материя не только просто соотносится с формой как с чем-то иным, но это внешнее есть форма, которая содержится в самой материи как скрытая. Материя есть то же противоречие в себе, какое содержит форма, и это [их] противоречие, как и его разрешение, есть лишь одно противоречие. Но материя внутренне противоречива, потому что как неопределенное тождество с собой она в то же время абсолютная отрицательность; поэтому она снимает себя в самой себе, и ее тождество распадается в ее отрицательности, и эта отрицательность обретает в нем свою устойчивость. Следовательно, определяясь формой как чем-то внешним, материя достигает этим своего определения, и внешний характер отношения и для формы, и для материи состоит в том, что каждая из них или, вернее, их первоначальное единство есть в своем полагании в то же время нечто *предполагающее*, вследствие чего соотношение с собой есть в то же время соотношение с собой как со снятым или соотношением со своим иным.

В-третьих, благодаря движению формы и материи их первоначальное единство, с одной стороны, восстановлено, а с другой — есть теперь *положенное* единство. Материя столь же определяет самое себя, сколь этот процесс определения есть для нее внешнее действие формы; и, наоборот, форма столь же определяет лишь себя или имеет определяемую ею материю в самой себе, сколь в процессе своего определения она относится к иному; и то

и другое — действие формы и движение материи — одно и то же, только первое есть действие, т. е. отрицательность как положенная, а второе — движение или становление, отрицательность как *в-себе-сущее* определение. Результат поэтому — единство в-себе-бытия и положенности. Материя, как таковая, определена или необходимо имеет некоторую форму, а форма — это просто материальная, удерживающаяся форма.

3. Форма, поскольку она предполагает материю как свое иное, *конечна*. Она не основание, а лишь то, что действительно. Равным образом и материя, поскольку она предполагает форму как свое небытие, есть *конечная* материя; она так же не основание своего единства с формой, а есть лишь основа для формы. Но и эта конечная материя и конечная форма не имеют истины; каждая соотносится с другой, иначе говоря, лишь их единство есть их истина. В это единство возвращаются оба этих определения и снимают в нем свою самостоятельность; тем самым оно оказывается их основанием. Поэтому материя есть основание определения своей формы лишь постольку, поскольку она не материя как материя, а абсолютное единство сущности и формы; точно так же форма есть основание удерживания своих определений лишь постольку, поскольку она то же самое одно единство. Но это одно единство как абсолютная отрицательность и, точнее, как исключяющее единство есть в своей рефлексии предполагающее единство; иначе говоря, в процессе полагания одним и тем же действием оказывается сохранение в единстве себя как положенного и отталкивание себя от самого себя: одним и тем же действием оказывается соотношение себя с собой как с собой и соотношение себя с собой как с иным. Другими словами, определяемость материи формой — это опосредствование с собой сущности как основания в некотором единстве через само себя и через отрицание самого себя.

Итак, принявшая форму материя или удерживающаяся форма есть не только указанное выше абсолютное единство основания с собой, но и *положенное* единство. Именно в рассматриваемом движении абсолютное основание представило в то же время свои моменты как снимающие себя и тем самым как положенные. Иначе говоря, слившись с собой, восстановленное единство и оттолкнуло себя от самого себя, и определило себя; ведь

его единство как осуществленное через отрицание есть также отрицательное единство. Поэтому оно единство формы и материи как их основа, но как их *определенная основа*, которая есть принявшая форму материя, но которая в то же время безразлична к форме и материи как к снятым и несущественным. Это единство есть *содержание*.

с) Форма и содержание

Форма противостоит, во-первых, сущности; в этом случае она вообще отношение основания, и ее определения — это основание и основанное. Она противостоит, во-вторых, материи; в этом случае она определяющая рефлексия, и ее определения — это само рефлексивное определение и его удерживание. Наконец, она противостоит содержанию; в этом случае ее определения — опять-таки она сама и материя. То, что раньше было тождественным с собой (сперва основание, затем удерживание вообще и, наконец, материя), вступает под власть формы и снова есть одно из ее определений.

Содержание имеет, *во-первых*, некоторую форму и некоторую материю, принадлежащие ему и существенные для него; оно их единство. Но так как это единство есть в то же время *определенное* или *положенное* единство, то содержание противостоит форме; форма составляет *положенность* и по отношению к содержанию несущественна. Поэтому содержание безразлично к форме; форма охватывает и форму, как таковую, и материю; и содержание имеет, стало быть, некоторую форму и некоторую материю, основу которых оно составляет и которые суть для него лишь положенность.

Содержание, *во-вторых*, — это то, что тождественно в форме и материи, так что форма и материя суть как бы лишь безразличные внешние определения. Они положенность вообще, которая, однако, в содержании возвратилась в свое единство или в свое основание. Тождество содержания с самим собой есть поэтому, с одной стороны, указанное безразличное к форме тождество, а с другой — тождество *основания*. Основание прежде всего исчезло в содержании; но содержание есть в то же время отрицательная рефлексия в себя определений формы; его единство, которое вначале лишь безразлично к форме, есть поэтому также формальное единство или *отношение*

основания, как таковое. Вот почему содержание имеет это отношение своей *существенной* формой и, наоборот, *основание* имеет некоторое *содержание*.

Следовательно, содержание основания — это основание, возвратившееся в свое единство с собой; основание — это прежде всего сущность, тождественная с собой в своей положенности; как разная и безразличная к своей положенности сущность есть неопределенная материя; но как содержание она в то же время принявшее форму тождества, и эта форма становится отношением основания потому, что определения ее противоположности положены в содержании и как подвергшиеся отрицанию. — Содержание, далее, *определено* в самом себе не только подобно материи как безразличное вообще, но и как принявшая форму материя, так что определения формы обладают материальной, безразличной устойчивостью. С одной стороны, содержание — это существенное тождество основания с собой в своей положенности, а с другой — оно положенное тождество в противоположность отношению основания; эта положенность, данная в этом тождестве как определение формы, противостоит свободной положенности, т. е. форме как всему соотношению основания и основанного в целом; эта форма есть целокупная возвращающаяся в себя положенность; первая же форма есть поэтому лишь положенность как непосредственная, — *определенность*, как таковая.

Тем самым основание вообще стало определенным основанием, и сама определенность двояка: она, во-первых, определенность формы и, во-вторых, определенность содержания. Первая есть определенность основания — быть вообще внешним содержанию, которое безразлично к этому отношению. Вторая есть определенность содержания, которым обладает основание.

В. ОПРЕДЕЛЕННОЕ ОСНОВАНИЕ

а) Формальное основание

Основание имеет то или иное определенное содержание. Определенность содержания есть, как оказалось, *основа* для формы, простая *непосредственность* в проти-

воположность *опосредствованию* формы. Основание — это отрицательно соотносящееся с собой тождество, которое в силу этого становится *положенностью*; это тождество отрицательно соотносится с *собой*, будучи в этой своей отрицательности тождественным с собой; это тождество есть основа или содержание, которое таким образом составляет безразличное или положительное единство отношения основания и есть то, что его *опосредствует*.

В этом содержании исчезла прежде всего определенность основания и основанного по отношению друг к другу. Но опосредствование есть, кроме того, *отрицательное* единство. Отрицательное, как находящееся в этой безразличной основе, есть ее *непосредственная определенность*, благодаря которой основание имеет определенное содержание. Но тогда отрицательное есть отрицательное соотношение формы с самой собой. Положенное, с одной стороны, снимает само себя и возвращается в свое основание; основание же как существенная самостоятельность соотносится отрицательно с самим собой и делается положенным. Это отрицательное опосредствование основания и основанного есть характерное опосредствование формы, как таковой, *формальное опосредствование*. Итак, обе стороны формы именно потому, что одна переходит в другую, полагают себя теперь сообща в одном тождестве как снятые; тем самым они в то же время это тождество *предполагают*. Оно определенное содержание, с которым, следовательно, формальное опосредствование соотносится через само себя как с положительным опосредствующим. Это содержание есть то, что тождественно в них обеих, и, поскольку они различны, но каждая в своем различии есть соотношение с другой, это содержание есть их удерживание, удерживание *каждой* как само *целое*.

Отсюда явствует, что в определенном основании имеется следующее: *во-первых*, то или иное определенное *содержание* рассматривается с *двух сторон*: поскольку оно положено как *основание* и поскольку оно положено как *основанное*. Само содержание безразлично к этой форме; в обоих [случаях] оно вообще лишь одно определение. *Во-вторых*, само основание есть в такой же мере момент формы, как и положенное им; это их *тождество по форме*. Безразлично, какое из этих двух определений делают первым, безразлично, переходить ли от одного как

положенного к другому как основанию или от одного как основания к другому как положенному. Основанное, рассматриваемое отдельно, есть снятие самого себя; тем самым оно делается, с одной стороны, положенным и есть также полагание основания. То же движение есть основание, как таковое; оно превращает себя в положенное и благодаря этому становится основанием чего-то, т. е. оно имеется в этом движении и как положенное, и как то, что только теперь имеется как основание. Основанием того, что имеется основание, служит положенное, и, наоборот, этим самым основание оказывается чем-то положенным. Посредствование начинается столько же от одного, сколько и от другого; каждая сторона есть столь же основание, сколь и положенное, и каждая есть все опосредствование или вся форма. — Далее, вся эта форма как нечто тождественное с собой сама есть *основа* тех определений, которые составляют обе стороны — основания и основанного; таким образом, форма и содержание сами суть одно и то же тождество.

В силу этого тождества основания и основанного как по содержанию, так и по форме основание есть *достаточное* основание (при ограничении достаточности этим отношением); *нет ничего в основании*, чего нет в *основанном*, так же как нет ничего в *основанном*, чего нет в *основании*. Когда спрашивают об основании, то желают знать *то же* определение, которое составляет *содержание*, в *двойном виде*: во-первых, в форме положенного, а во-вторых, в форме рефлексированного в себя наличного бытия, существенности.

Итак, поскольку в определенном основании основание и основанное составляют всю форму и их содержание, хотя и определенное, одно и то же, то основание в той и другой своей стороне еще не определено реально, они не имеют разного содержания; определенность есть лишь простая, еще не перешедшая в эти стороны определенность; имеется *определенное* основание лишь в своей чистой форме, *формальное* основание. — Так как содержание есть лишь эта простая определенность, не имеющая в самой себе формы отношения основания, то эта определенность есть тождественное с собой содержание, безразличное к форме, а форма внешняя ему; содержание — нечто иное, нежели форма.

Примечание
[Формальный способ объяснения из тавтологических оснований]

Если рефлексия об определенных основаниях сохраняет ту форму основания, которая получилась здесь, то указание основания остается чистым формализмом и пустой тавтологией, выражающей в форме рефлексии в себя, существенности, то же содержание, которое уже имеется в форме непосредственного наличного бытия, рассматриваемого как положенное. Такое указание оснований сопровождается поэтому такой же пустотой, как и высказывания, исходящие из положения о тождестве. Науки, особенно физические, полны такого рода тавтологиями, которые как бы составляют прерогативу науки. — Например, как на основании движения планет вокруг Солнца указывают на *силу* взаимного *притяжения* Земли и Солнца. По содержанию этим высказывается только то, что этот феномен, т. е. соотношение этих небесных тел в их движении, содержит, но высказывается это в форме рефлектированного в себя определения — силы. Когда затем спрашивают, что это за сила — сила притяжения, дается ответ, что это сила, заставляющая Землю двигаться вокруг Солнца, т. е. у нее совершенно то же содержание, что и у наличного бытия, основанием которого она должна быть; соотношение Земли и Солнца в их движении есть тождественная основа основания и основанного⁴⁵. — Если какая-то форма кристаллизации объясняется тем, что основанием ее служит особое взаимное расположение молекул, то ведь налично сущая кристаллизация и есть именно само это расположение, которое объявляется основанием. В обыденной жизни такие этиологии⁴⁶, составляющие привилегию наук, считаются тем, что они есть, — тавтологией, пустой болтовней. Если на вопрос, почему такой-то человек идет в город, указывается как на основание, что город имеет притягательную силу, влекущую его туда, то такого рода ответ, санкционированный в науках, считается вздорным. — Лейбниц упрекал ньютонову силу притяжения в том, что она такое же скрытое качество, как те, какими пользовались для объяснения схоластики. Ей следовало бы сделать скорее упрек в противоположном, а именно что она *слишком известное* качество: ведь в ней нет никакого другого

содержания, кроме самого явления. — Этот способ объяснения привлекает именно своей большой ясностью и понятностью: ведь что может быть яснее и понятнее, чем то, например, что растение имеет свое основание в некоторой растительной, т. е. производящей растения, силе⁴⁷. — *Скрытым* качеством эта сила могла бы быть названа лишь в том смысле, что основание должно было бы иметь *другое содержание*, нежели объясняемое им, а между тем этого содержания не указывают; служащая для объяснения сила есть, конечно, скрытое основание постольку, поскольку требуемое основание не указывается. Посредством такого формализма нечто так же не объясняется, как не познается природа растения, если я скажу, что оно растение; вот почему при всей ясности такого положения или [положения о том], что растение имеет свое основание в производящей растения силе⁴⁸, этот способ объяснения можно назвать весьма *скрытым*.

Во-вторых, что касается формы, то при этом способе объяснения встречаются оба *противоположных направления отношения основания*, однако их определенное отношение не познается. Основание есть, с одной стороны, основание как рефлексированное в себя определение содержания, присущее наличному бытию, которое оно основывает, а с другой — оно то, что положено. Оно то, из чего должно быть понято наличное бытие; но [на самом деле], *наоборот, от наличного бытия заключают к основанию*, и основание становится понятным из наличного бытия. Главная задача этой рефлексии состоит именно в том, чтобы из наличного бытия найти основания, т. е. превратить непосредственное наличное бытие в форму рефлексированности; основание, вместо того чтобы быть в себе и для себя и самостоятельным, оказывается поэтому скорее тем, что положено и производно. А так как оно таким способом объяснения соотносится с явлением и его определения зависят от явления, то явление, конечно, просто и весьма удобно вытекает из своего основания. Но познание от этого не двигается с места; оно продолжает вращаться в различные формы, которое сам этот способ [объяснения] переворачивает и снимает. Поэтому одна из главных трудностей при изучении наук, в которых господствует этот способ, кроется именно в этом извращении положения: предпосылается как основание то, что на самом деле есть производное, и, переходя к следст-

виям, лишь в них указывают основание того, что на самом деле должно быть их основанием. Изложение начинается с оснований, их бездоказательно провозглашают принципами и первыми понятиями; они простые определения, сами по себе не имеющие никакой необходимости; последующее должно быть основано на них. Поэтому, если кто желает проникнуть в такого рода науки, тот должен начать с того, чтобы вбить себе в голову эти основания; для разума это тягостная задача, так как он должен признать основой безосновательное. Лучше всех преуспевает в этом деле тот, кто, недолго раздумывая, соглашается признать принципы как *данные* и отныне пользуется ими как основными правилами своего рассудка. Без этого метода нельзя найти начало, и точно так же невозможно без него какое-либо продвижение. Однако движению вперед мешает то, что в нем появляется обратное действие (*Gegenstoss*) метода, который в последующем хочет показать производное, между тем как на самом деле это производное содержит лишь основания для этих предпосылок. Далее, так как последующее оказывается наличным бытием, из которого было выведено основание, то это отношение, в котором выступает явление, порождает недоверие к изображению этого явления, ибо явление оказывается выраженным не в своей непосредственности, а как доказательство основания. Но так как основание опять-таки выводится из явления, то возникает требование видеть явление в его непосредственности, чтобы иметь возможность исходя из него исследовать основание. Вот почему при таком изложении, в котором собственно основывающееся выступает как производное, не ведают ни того, как обстоит дело с основанием, ни того, как обстоит дело с явлением. Это неведение усугубляется тем — в особенности если изложение не строго последовательно, а более *добросовестно*, — что в явлении повсюду обнаруживаются следы и обстоятельства, указывающие на многое и часто на совершенно иное, чем то, что содержится в принципах. Наконец, путаница становится еще большей, когда смешивают рефлексированные и чисто гипотетические определения с непосредственными определениями самого явления, когда их излагают так, как будто они взяты из непосредственного опыта. В этом случае многие приступающие к этим наукам с искренней верой могут придерживаться мнения, будто молекулы, пустые

промежутки, центробежная сила, эфир, отдельный луч света, электрическая, магнетическая *материя* и еще множество тому подобных [явлений] — это вещи или отношения, которые, судя по тому, что о них говорится как о непосредственных определениях наличного бытия, на самом деле даны *в восприятии*. Они служат первыми основаниями для иного; о них говорят как о том, что действительно, и их уверенно применяют; их искренне признают действительностью еще до того, как убеждаются, что они, собственно говоря, определения, выведенные из того, что они должны обосновать, гипотезы и измышления, исходящие из некритической рефлексии. Те, кто так поступает, на самом деле вращаются в каком-то заколдованном круге, в котором определения наличного бытия и определения рефлексии, основание и основанное, явления и призраки свалены в одну кучу и ценятся совершенно одинаково.

Хотя этот способ объяснения из оснований и занимается формальной стороной дела, однако в то же время слышны также — вопреки всем этим объяснениям при помощи пресловутых сил и материй — разговоры о том, что мы *не знаем внутренней сущности* самих этих сил и материй. В этом можно усмотреть лишь признание того, что такое обоснование совершенно не удовлетворено собой, что оно само требует чего-то совсем иного, чем таких оснований. Но в таком случае непонятно только, к чему утруждать себя таким объяснением, почему не ищут этого иного или по крайней мере не отказываются от такого объяснения и не ограничиваются простыми фактами.

в) Реальное основание

Определенность основания, как оказалось, есть, с одной стороны, определенность *основы* или определение содержания, а с другой — инобытие в самом *отношении основания*, а именно различенность его содержания и формы: соотношение основания и основанного имеет место как внешняя форма по отношению к содержанию, безразличному к этим определениям. — Но на самом деле оба они не внешни друг другу, ибо содержание — это *тождество основания* с самим собой в *основанном* и *основанного* в *основании*. Оказалось, что сторона основания сама есть нечто положенное, а сторона основанного сама

есть основание: каждая в самой себе есть это тождество целого. Но так как они в то же время принадлежат к форме и составляют ее определенное различие, то каждая *в своей определенности*⁴⁹ есть тождество целого с собой. Каждая, стало быть, имеет *отличное* от другой *содержание*. — Или, если рассматривать их со стороны содержания: так как содержание есть тождество с собой *как тождество отношения основания*, то оно по своему существу имеет в самом себе это различие формы, и как основание оно иное, нежели как основанное.

Но тем, что основание и основанное имеют разное содержание, отношение основания перестало быть формальным: возвращение в основание и выхождение из него к положенному уже не есть тавтология; *основание* реализовано. Поэтому, когда спрашивают об основании, для основания требуют, собственно говоря, другого определения содержания, чем то, об основании которого спрашивают.

Это соотношение дает себе дальнейшее определение. А именно, поскольку обе его стороны суть разное содержание, они безразличны друг к другу; каждая есть непосредственное, тождественное с собой определение. Далее, будучи соотнесены друг с другом как основание и основанное, основание есть рефлексированное в себя в ином как в своей положенности; таким образом, содержание, которое имеет сторона основания, есть также в основанном; основанное как то, что положено, имеет лишь в основании свое тождество с собой и свою устойчивость (*Bestehen*). Но кроме этого содержания основания основанное отныне имеет еще и свое, лишь ему присущее, содержание и, значит, есть *единство двоякого* содержания. Это единство как единство различных есть, правда, их отрицательное единство, но так как они безразличные друг к другу определения содержания, то оно лишь их пустое, в самом себе бессодержательное соотношение, а не их опосредствование — некоторое «одно» или *нечто* как их внешнее сочетание.

Таким образом, в реальном отношении основания имеется нечто двоякое: *во-первых*, то определение содержания, которое есть основание и которое непрерывно продолжает себя в положенности, так что оно составляет то, что просто тождественно в основании и в основанном; таким образом, основанное содержит основание полностью

внутри себя; их соотношение — это лишенная различий существенная сплошность (*Gediegenheit*). Вот почему то, что в основанном еще присоединяется к этой простой *сущности*, есть лишь несущественная форма, внешние определения содержания, которые, как таковые, свободны от основания и составляют непосредственное многообразие. Для этого несущественного то существенное не есть, стало быть, основание, равно как оно не есть основание для *соотношения* обоих в основанном. Это — нечто положительно тождественное, имманентное основанному, но не полагающее себя в нем ни в каком различии формы, а как содержание, соотносящееся с самим собой, есть безразличная положительная *основа*. *Во-вторых*, то, что в [данном] нечто сочетается с этой основой, есть безразличное содержание, но как несущественная сторона. Главное — это *соотношение* основы и несущественного многообразия. Но это соотношение, так как соотносящиеся определения суть безразличное содержание, также *не* есть *основание*; правда, одна [сторона этого соотношения] определена как существенное содержание, а другая — лишь как несущественное или положенное содержание; но как соотносящееся с собой содержание эта форма внешняя им обеим. То «одно» [данного] *нечто*, которое составляет их соотношение, есть поэтому не отношение формы, а лишь внешняя связь, содержащая несущественное многообразное содержание не как *положенное*; следовательно, оно также лишь *основа*.

Тем самым основание, определяя себя как реальное, распадается на внешние определения из-за разности содержания, составляющей его реальность. Оба соотношения — *существенное содержание* как простое *непосредственное тождество* основания и основанного, а затем *нечто* как соотношение различного содержания — суть *две разные основы*; исчезла тождественная с собой форма основания — то, что одно и то же имеет один раз как существенное, а другой раз как положенное; отношение основания стало, таким образом, *внешним* самому себе.

Вот почему именно внешнее основание сочетает разное содержание и определяет, какое из них основание и какое то, что положено основанием; в том и другом содержании этого определения нет. Реальное основание есть поэтому *соотношение с иным*: с одной стороны, соотноше-

ние содержания с другим содержанием, а с другой — соотношение самого отношения основания (формы) с иным, а именно с чем-то *непосредственным*, не им положенным.

П р и м е ч а н и е

[Формальный способ объяснения из основания,
отличного от основанного]

Формальное отношение основания имеет лишь одно содержание для основания и основанного; в этом тождестве заключается необходимость отношения основания, но в то же время и его тавтологичность. Реальное основание имеет разное содержание, но тем самым отношение основания приобретает случайный и внешний характер. С одной стороны, то, что рассматривается как существенное и потому как определение основания, не есть основание для других, связанных с ним определений. С другой стороны, остается также неопределенным, какое из многих определений содержания конкретной вещи должно быть принято за существенное и за основание; поэтому выбор между ними свободен. Так, в первом отношении, например, основанием дома служит его фундамент; то, что делает фундамент основанием, есть присущая чувственной материи *тяжесть*, которая совершенно тождественна и в основании, и в основанном [на нем] доме. То обстоятельство, что в наделенной тяжестью материи имеется такое различие, как различие между фундаментом и отличной от него модификацией, благодаря которой эта материя образует жилище, совершенно безразлично для самой тяжести; соотношение тяжести с другими определениями содержания — с целью, устройством дома и т. д. — ей внешне; поэтому тяжесть есть, правда, их основа, но не их основание. Тяжесть есть в такой же мере основание того, что дом стоит, в какой она основание того, что камень падает; камень имеет это основание, тяжесть, внутри себя; но то, что он имеет еще и другое определение содержания, благодаря которому он не только нечто тяжелое, но и камень, — это внешне для тяжести; далее, то, что камень сначала был отдален от того тела, на которое он падает, — это положено чем-то иным, равно как время и пространство и их соотношение — движение суть другое содержание, чем тяжесть, и их можно (как обычно говорят) представлять себе без нее; следовательно, они по

своему существу не положены ею. — Тяжесть есть также основание того, что брошенное вверх тело совершает движение, противоположное падению. — Из разности определений, основанием которых служит тяжесть, явствует, что требуется вместе с тем нечто иное, делающее ее основанием того или другого определения.

Когда о *природе* говорят, что она *основание мира*, тогда то, что называется природой, есть, с одной стороны, *то же*, что и мир, и мир не что иное, как сама природа. Но они также различны, так что природа есть в большей мере неопределенное или по крайней мере сущность мира, определенная лишь в общих различиях — в законах — и тождественная с собой; и, для того чтобы природа стала миром, к ней извне присоединяется еще многообразие определений. Но эти определения имеют свое основание не в природе, как таковой; она скорее безразлична к ним как к случайностям. — Так же обстоит дело, когда *бога* определяют как *основание природы*. Как основание он ее сущность, природа содержит ее в себе и тождественна с ней; но природа имеет еще и другое отличающееся от самого основания многообразие: оно то *третье*, в котором связаны оба эти разные; указанное основание не есть основание ни отличающегося от него многообразия, ни своей связи с ним. Поэтому природа не познается из бога как из основания, ибо иначе бог был бы лишь ее всеобщей сущностью, между тем как он не содержит ее как определенную сущность и природу.

Из-за этой разности содержания основания, или, собственно говоря, основы и того, что связано с основанием в основанном, указание реальных оснований становится, следовательно, таким же формализмом, как и само формальное основание. В формальном основании тождественное с собой содержание безразлично к форме; то же имеет место в реальном основании. Из-за этого получается, далее, так, что в нем самом не содержится указание, какое из многообразных определений должно считаться существенным. *Нечто* — это что-то *конкретное*, состоящее из таких многообразных определений, которые оказываются в нем одинаково постоянными и сохраняющимися. Поэтому можно одно из них определить как основание с таким же правом, как и другое, а именно как *существенное* определение, сравнительно с которым прочие суть в таком случае лишь нечто положенное. С этим можно связать

упомянутое выше, а именно, что если имеется определенное, которое в одном случае рассматривается как основание другого, то отсюда не следует, что в другом случае (или вообще) это другое положено вместе с первым. — *Наказание*, например, имеет многообразные определения: оно возмездие, оно, далее, устрашающий пример, оно провозглашенная законом угроза для острастки, а также нечто, заставляющее преступника образумиться и исправиться. Каждое из этих разных определений рассматривалось как *основание наказания*, ибо каждое есть существенное определение, и тем самым прочие как отличные от него определяются по сравнению с ним лишь как случайные. Но то из определений, которое принимается за основание, еще не есть все наказание, как таковое; это конкретное содержит также те другие [определения], которые лишь соединены с первым, не имея в нем своего основания. — Или возьмем другой пример: какое-то *должностное лицо* обладает служебной сноровкой, состоит как индивид в родстве, имеет те или иные знакомства, у него свой особый характер, он имел какие-то возможности или случаи отличиться и т. д. Каждое из этих свойств может быть или считаться основанием того, что он занимает эту должность; это различное содержание, соединенное в чем-то третьем; форма, согласно которой одно определено как существенное, а другие — как положенные, внешня этому третьему. Каждое из названных свойств существенно для данного должностного лица, так как они делают его данным определенным индивидом; поскольку должность можно рассматривать как внешнее положенное определение, каждое из этих свойств можно определять по отношению к ней как [ее] основание, но и, наоборот, можно смотреть на эти свойства как на положенные, а на должность — как на их основание. Как они относятся между собой *в действительности*, т. е. в отдельном случае, это — определение, внешнее для отношения основания и для самого содержания; форму основания и основанного сообщает им нечто третье.

Вообще говоря, каждое наличное бытие может таким образом иметь разнообразные основания; каждое из определений его содержания как тождественное с собой проникает собой конкретное целое и может поэтому рассматриваться как существенное; тем разнообразным *отношениям* (Rücksichten), т. е. определениям, которые находятся

вне самой сути дела, открыт бесконечный простор ввиду случайности способа сочетания. — Поэтому случайно также и то, имеет ли данное основание то или иное следствие. Например, моральные мотивы — это *существенные определения* нравственной природы, но то, что из них проистекает, есть в то же время нечто отличное от них внешнее, и проистекающее, и не проистекающее из них; лишь через нечто третье оно прибавляется к ним. Точнее говоря, это следует понимать так, что для морального определения, *если* оно основание, *не* случайно то, что оно имеет какое-то следствие или основанное, однако для него вообще случайно, делают ли его или не делают основанием. Но так как содержание, составляющее следствие морального определения, если последнее сделано основанием, опять-таки имеет внешний характер, то это содержание может быть непосредственно снято чем-то другим внешним. Таким образом, из морального мотива поступок может и следовать, и не следовать. И наоборот, один поступок может иметь разные основания; как нечто конкретное он содержит многообразные существенные определения, каждое из которых можно поэтому выдавать за основание. Отыскивание и указание оснований, в чем главным образом состоит *резонирование*, есть поэтому бесконечное шараханье из стороны в сторону, не приводящее ни к какому окончательному определению; относительно всего и каждого можно указать одно или несколько надлежащих оснований, равно как и относительно противоположного этому, и возможно множество оснований, из которых ничего не следует. То, что Сократ и Платон называют *софистикой*, есть не что иное, как резонирование из оснований; Платон противопоставляет ему рассмотрение идеи, т. е. сути дела в себе и для себя самой или в ее *понятии*. Основания черпаются лишь из *существенных* определений содержания, отношений и сторон (*Rücksichten*), которые в любом случае (*jede Sache*) многочисленны, равно как и в ее противоположности; каждое из этих определений в своей форме существенности значимо столько же, сколько и другое; так как оно не объемлет всей сути дела, то оно одностороннее основание, причем другие особые стороны [ее] имеют в свою очередь особые основания, ни одно из которых не исчерпывает сути дела, составляющей их *сочетание* и содержащей их все вместе; ни одно из них не есть *достаточное* основание, т. е. понятие.

е) Полное основание

1. В реальном основании основание как содержание и основание как отношение суть лишь *основы*. Первое лишь *положено* как существенное и как основание; отношение же есть то *нечто*, которое составляет основанное как неопределенный субстрат разного содержания, его связь, которая есть не его собственная рефлексия, а внешняя и, стало быть, только положенная рефлексия. Реальное отношение основания есть поэтому скорее основание как снятое основание; оно, стало быть, составляет скорее сторону *основанного* или *положенности*. Но как *положенности* само основание возвратилось теперь в свое основание; оно теперь нечто основанное, имеющее *другое основание*. Последнее определяет себя тем самым так, что оно, *во-первых*, тождественно с реальным основанием как со своим основанным; обе стороны имеют сообразно с этим определением одно и то же содержание; оба определения содержания и их связь в [данном] нечто также находятся в новом основании. Но *во-вторых*, новое основание, в которое перешла, сняв себя, указанная лишь положенная внешняя связь, есть как ее рефлексия в себя *абсолютное соотношение* обоих определений содержания.

Возвращение самого реального основания в свое основание приводит к восстановлению в нем тождества основания и основанного или к восстановлению формального основания. Возникшее [вновь] отношение основания есть поэтому *полное* отношение, содержащее в себе вместе и формальное, и реальное основание и опосредствующее те определения содержания, которые в реальном основании непосредственны по отношению друг к другу.

2. Тем самым отношение основания определилось точнее следующим образом. *Во-первых*, нечто имеет некоторое основание; оно содержит то *определение содержания*, которое есть *основание*, и еще *второе* определение как *положенное* основанием. Но как безразличное содержание первое есть основание не в самом себе, а второе есть основанное первым не в самом себе; это *соотношение* снято и положено в непосредственности содержания и, как таковое, имеет свое основание в *другом* соотношении. Это второе соотношение как различное лишь по форме имеет то же содержание, что и первое, а именно оба определения содержания, но есть их *непосредственная* связь.

Однако, так как связываемое имеет вообще разное содержание и, стало быть, есть безразличное к себе определение, то эта связь не есть их поистине абсолютное соотношение, в силу которого одно из определений было бы чем-то тождественным с собой в положенности, а другое — лишь этой положенностью этого же тождественного. Нет, одно нечто служит их носителем и составляет их не рефлектированное, а лишь непосредственное соотношение, которое есть поэтому лишь относительное основание сравнительно с их связью в другом нечто. *Оба нечто* оказались, таким образом, двумя различными отношениями содержания. Они находятся между собой в тождественном формальном отношении основания; они одно и то же *содержание в целом*, а именно оба определения содержания и их соотношение; они различаются лишь способом этого соотношения, которое в одном есть непосредственное отношение, а в другом — положенное, вследствие чего одно отличается от другого лишь *по форме* как основание и основанное. — *Во-вторых*, это отношение основания не только формально, но и реально. Формальное основание, как оказалось, переходит в реальное; моменты формы рефлектируют себя в самих себя; они самостоятельное содержание, и отношение основания также имеет особое *содержание как основание* и особое *содержание как основанное*. Содержание составляет прежде всего *непосредственное* тождество обеих сторон формального основания; как таковые, они имеют одно и то же содержание. Но содержание имеет также форму в самом себе и есть, таким образом, двойное *содержание*, относящееся как основание и как основанное. Одно из указанных двух определений содержания обоих нечто определено поэтому не только как общее им согласно внешнему сравнению, но как их тождественный субстрат и основа их соотношения. В противоположность другому определению содержания оно существенное определение и основание этого другого определения как положенного, а именно положенного в том нечто, соотношение которого есть основанное соотношение. В первом нечто, которое есть отношение основания, это второе определение содержания также непосредственно и *в себе* связано с первым определением содержания. Второе же нечто содержит лишь одно определение *в себе* как то, в чем оно непосредственно тождественно с первым нечто, другое же определение оно содержит как положен-

ное в нем. Первое определение содержания есть основание этого положенного определения, так как оно в первом нечто *первоначально* связано с другим определением содержания.

Отношение основания в определениях содержания второго нечто *опосредствовано* таким образом первым в себе сущим отношением первого нечто. Умозаключение [здесь] таково: так как в одном нечто определение *B* связано в себе с определением *A*, то во втором нечто, которому присуще непосредственно лишь определение *A*, с последним связано также *B*. Во втором нечто опосредствовано не только это второе определение, но и то, что его непосредственное [определение] есть основание, а именно через первоначальное соотношение этого определения с *B* в первом нечто. Это соотношение есть тем самым основание основания *A*, и *все* отношение основания дано во втором нечто как то, что положено или имеет основание.

3. Реальное основание проявляется как *внешняя* себе *рефлексия* основания; полное опосредствование его есть восстановление его тождества с собой. Но так как это тождество тем самым приобрело также внешний характер реального основания, то формальное отношение основания есть в своем единстве с реальным основанием столь же полагающее себя, сколь и *снимающее* себя основание; отношение основания опосредствует себя с собой *своим отрицанием*. Во-первых, как *первоначальное отношение* основание есть отношение непосредственных определений содержания. Отношение основания как существенная форма имеет своими сторонами такие [определения], которые суть снятые [определения] или моменты. Поэтому как форма *непосредственных* определений оно тождественное с собой отношение также и как отношение *своего отрицания*; тем самым оно основание не в себе и для себя самого, а как соотношение со *снятым* отношением основания. — Во-вторых, снятое отношение или то непосредственное, которое и в первоначальном, и в положенном соотношении есть тождественная *основа*, есть реальное основание также не в себе и для себя самого, а есть основание, поскольку это положено через указанную первоначальную связь.

Отношение основания в своей целокупности есть тем самым по существу своему *предполагающая* рефлексия; формальное основание предполагает *непосредственное* определение содержания, а это определение как реальное

основание предполагает форму. Следовательно, основание — это форма как непосредственная связь, но так, что она отталкивает себя от себя самой и скорее предполагает непосредственность, соотносится в ней с собой как с чем-то иным. Это непосредственное есть определение содержания, простое *основание*; но последнее, как таковое, т. е. как основание, равным образом оттолкнуто от себя и соотносится с собой точно так же, как с чем-то иным. — Таким образом, целокупное отношение основания определило себя как *обуславливающее опосредствование*⁵⁰.

С. УСЛОВИЕ

а) Относительно необусловленное

1. Основание — это то, что непосредственно, а основанное — то, что опосредствованно. Но основание есть полагающая рефлексия; как таковая, оно делается положенностью и есть предполагающая рефлексия; таким образом, оно соотносится с собой как с чем-то снятым, как с чем-то непосредственным, чем оно само опосредствовано. Это опосредствование как движение от непосредственного к основанию не есть внешняя рефлексия, а, как оказалось, собственное действие основания, или, что то же самое, отношение основания как рефлексия в тождество с собой есть рефлексия, столь же существенно становящаяся внешней. То непосредственное, с чем основание соотносится как со своей существенной предпосылкой, есть *условие*; поэтому реальное основание по существу своему обусловлено. Содержащаяся в нем определенность есть инобытие его самого.

Следовательно, условие — это, *во-первых*, непосредственное, многообразное наличное бытие. *Во-вторых*, это наличное бытие соотнесено с иным, с чем-то таким, что есть основание не этого наличного бытия, а основание в другом смысле, ибо само наличное бытие непосредственно и не имеет основания. Со стороны указанного соотношения наличное бытие — это нечто *положенное*; как условие непосредственное наличное бытие должно быть не для себя, а для иного. Но в то же время то обстоятельство, что оно таково для иного, само есть лишь положенность; что оно есть нечто положенное, это снято в его непосредственности, и *быть условием — это для наличного бытия безраз-*

лично. В-третьих, условие — это непосредственное таким образом, что оно составляет *предпосылку* основания. В этом определении условие есть возвратившееся в тождество с собой формальное отношение основания и тем самым — *содержание* основания. Но содержание, как такое, есть лишь безразличное единство основания как облеченного в форму; без формы нет содержания. Оно еще освобождается от нее, поскольку отношение основания становится в *полном* основании внешним своему тождеству отношением, благодаря чему содержание приобретает непосредственность. Поэтому, поскольку условие — это то, в чем отношение основания имеет свое *тождество* с собой, оно составляет содержание основания; но так как оно безразлично к этой форме, то оно ее содержание лишь *в себе*, оно нечто такое, что лишь *должно* стать содержанием и потому составляет *материал* для основания. Положенное как условие, наличное бытие имеет в соответствии со вторым моментом следующее определение — утрачивать свою безразличную непосредственность и становиться моментом чего-то иного. Из-за своей непосредственности оно безразлично к этому отношению; но, поскольку оно вступает в него, оно составляет *в-себе-бытие* основания и есть для него *необусловленное*. Чтобы быть условием, оно имеет свою предпосылку в основании и само обусловлено; но это определение внешне ему.

2. Нечто есть не через свое условие; его условие — это не его основание. Условие есть для основания момент необусловленной непосредственности, но само оно не есть то движение и полагание, которое соотносится с собой отрицательно и делается положенностью. Поэтому условию противостоит *отношение основания*. Кроме своего условия нечто имеет также и основание. — Основание — это пустое движение рефлексии, так как это движение имеет непосредственность как свою предпосылку вовне себя. Но оно есть вся форма и самостоятельный процесс опосредствования, ибо условие не есть его основание. Соотносясь как полагание с собой, этот процесс опосредствования с этой своей стороны также есть нечто непосредственное и *необусловленное*; он, правда, предполагает себя, но как ставшее внешним или снятое полагание; напротив, то, что он есть согласно своему определению, он есть в себе и для себя самого. — Поскольку, таким образом, отношение основания есть самостоятельное соотноше-

ние с собой и имеет тождество рефлексии в самом себе, оно имеет *лишь ему присущее содержание*, противоположное содержанию условия. Первое есть содержание основания и потому по существу своему обладает формой; содержание же условия — это лишь непосредственный материал, которому соотношение с основанием в то же время столь же внешне, сколь этот материал составляет также в-себе-бытие основания; тем самым он есть смешение самостоятельного содержания, не имеющего никакого соотношения с содержанием определения основания, и такого содержания, которое входит в это определение и как его материал должно стать его моментом.

3. Следовательно, обе стороны целого, *условие и основание*, с одной стороны, *безразличны* друг к другу и *необусловлены* друг другом: первое как несоотнесенное, которому внешне соотношение, в котором оно есть условие; второе как соотношение или форма, для которой определенное наличное бытие условия есть лишь материал, лишь нечто пассивное, форма чего, присущая ему сама по себе, несущественна. Далее, обе эти стороны также *опосредствованы*. Условие — это *в-себе-бытие* основания; условие — в такой мере существенный момент отношения основания, что составляет простое тождество основания с собой. Но это также снято; это в-себе-бытие есть лишь положенное в-себе-бытие; непосредственное наличное бытие безразлично к тому, чтобы быть условием. Следовательно, то, что условие есть для основания *в-себе-бытие*, — это составляет ту сторону условия, с которой оно опосредствовано. Равным образом отношение основания имеет в своей самостоятельности также некоторую предпосылку и имеет свое в-себе-бытие вовне себя. — Стало быть, каждая из обеих сторон есть *противоречие* между безразличной непосредственностью и существенным опосредствованием, — есть то и другое в одном и том же соотношении; иначе говоря, каждая из обеих сторон есть противоречие между самостоятельной устойчивостью и определением — быть только моментом.

б) Абсолютное необусловленное

Обе относительно необусловленные [стороны] прежде всего отвечают каждая в другой: условие как то, что непосредственно, — в формальном отношении основания,

а это отношение — в непосредственном наличном бытии как положенном им самим; но каждое из них вне этого отсвечивания своего иного самостоятельно и имеет свое собственное содержание.

Прежде всего *условие* — это непосредственное наличное бытие; форма этого наличного бытия имеет два момента: *положенность*, в соответствии с которой это наличное бытие как условие есть материал и момент основания, и *в-себе-бытие*, в соответствии с которым оно составляет сущность основания или его простую рефлексю в себя. Обе стороны формы внешни непосредственному наличному бытию, ибо оно снятое отношение основания. — Но *во-первых*, наличное бытие в самом себе есть лишь снятие себя в своей непосредственности и исчезание в основании (*zu Grunde zu gehen*). *Бытие* — это вообще лишь *становление* сущности; его сущностная природа — превратить себя в положенное и в тождество, которое есть непосредственное через свое отрицание. Следовательно, такие определения формы, как положенность и тождественное с собой в-себе-бытие, — форма, благодаря которой непосредственное наличное бытие есть условие, — эти определения поэтому не внешни ему, а оно есть сама эта рефлексия. *Во-вторых*, как условие бытие теперь также положено как то, что оно есть по своему существу, а именно как момент, и, стало быть, момент чего-то иного, и в то же время как в-себе-бытие (равным образом чего-то иного); но *в себе* оно есть лишь через отрицание себя, а именно через основание и через его снимающую себя и тем самым предполагающую рефлексю; следовательно, в-себе-бытие бытия есть лишь нечто положенное. Это в-себе-бытие условия имеет две стороны: с одной стороны, оно сущность условия как сущность основания, а с другой — непосредственность наличного бытия условия. Или, вернее, обе эти стороны суть одно и то же. Наличное бытие есть нечто непосредственное, но эта непосредственность по существу своему опосредствована, а именно снимающим само себя основанием. Как такая непосредственность, опосредствованная снимающим себя опосредствованием, оно в то же время есть и в-себе-бытие основания, и его необусловленное; но в то же время само это в-себе-бытие в свою очередь точно так же есть лишь момент или положенность, ибо оно опосредствовано. — Условие есть поэтому вся форма отношения основания; оно

предположенное в-себе-бытие отношения основания, но тем самым оно само положенность, и его непосредственность состоит в том, что оно делается положенностью и, стало быть, так отталкивает себя от самого себя, что оно в такой же мере исчезает в основании, в какой оно основание, которое делается положенностью, а значит, и основанным; и то и другое — одно и то же.

Точно так же в-себе-бытие в обусловленном основании дано не только как отсвечивание в нем чего-то иного. Обусловленное основание — это самостоятельная, т. е. соотносящаяся с собой, рефлексия полагания, следовательно, то, что тождественно с собой; иначе говоря, оно в самом себе есть свое в-себе-бытие и свое содержание. Но в то же время оно предполагающая рефлексия; оно соотносится с самим собой отрицательно и противопоставляет себе свое в-себе-бытие как иное для него, а условие — и в соответствии со своим моментом в-себе-бытия, и в соответствии с моментом непосредственного наличного бытия — есть собственный момент отношения основания; по своему существу непосредственное наличное бытие есть лишь через свое основание и есть момент его как предполагаания. Поэтому основание есть точно так же и само целое.

Таким образом, имеется вообще лишь *одно* целое *формы*, но точно так же лишь *одно* целое *содержания*. Ибо присущее условию содержание — это существенное содержание лишь постольку, поскольку оно тождество рефлексии с собой в форме, иначе говоря, поскольку оно как это непосредственное наличное бытие в самом себе есть отношение основания. Это наличное бытие есть, далее, условие лишь благодаря предполагающей рефлексии основания; оно тождество основания с самим собой или его содержание, которому основание противопоставляет себя. Поэтому наличное бытие не просто бесформенный материал для отношения основания, а ввиду того что наличное бытие в самом себе имеет эту форму, оно приобретающая форму материя, и как то, что в своем тождестве с формой в то же время безразлично к ней, оно содержание. Наконец, оно то же содержание, которым обладает основание, ибо оно содержание именно как то, что тождественно с собой в свойственном форме отношении.

Итак, обе стороны целого, условие и основание, — это одно и то же существенное единство и как содержание, и

как форма. Они переходят друг в друга благодаря самим себе, иными словами, будучи рефлексиями, они полагают сами себя как снятые, соотносят себя с этим своим отрицанием и *взаимно предполагают себя*. Но в то же время это лишь одна и та же рефлексия обоих, и потому их предположение также лишь одно и то же предположение: взаимность этого предположения переходит, скорее, в то, что они предполагают одно свое тождество как свою устойчивость и свою основу. Это тождество — одно и то же содержание и единство формы обоих — есть *истинно необусловленное; сама суть дела (die Sache)*. — Условие, как выяснилось выше, — это лишь относительно необусловленное. Вот почему само условие обычно рассматривают как нечто обусловленное и спрашивают о новом условии, что ведет к обычному *прогрессу в бесконечность* от одного условия к другому. Но почему же при наличии одного условия спрашивают о каком-то новом условии, т. е. почему первое признается обусловленным? Потому что оно некоторое конечное наличное бытие. Но это — дальнейшее определение условия, не заключающееся в его понятии. Однако условие, как таковое, потому есть нечто обусловленное, что оно положенное в-себе-бытие. Оно поэтому снято в абсолютно необусловленном.

Итак, абсолютно необусловленное содержит в себе как свои моменты обе стороны — условие и основание; оно единство, в которое они возвратились. Обе они вместе образуют форму или положенность этого необусловленного. Свободная от [внешних] условий суть дела — это условие обеих, но абсолютное, т. е. такое условие, которое само есть основание. — Как *основание* же, свободная от [внешних] условий суть дела есть отрицательное тождество, которое, оттолкнув себя от себя, распалось на эти два момента: *во-первых*, приняло вид снятого отношения основания, непосредственного, лишённого единства, внешнего самому себе многообразия, соотносящегося с основанием как с чем-то иным для него и составляющего в то же время его в-себе-бытие; *во-вторых*, приняло вид внутренней, простой формы, которая есть основание, но соотносится с тождественным с собой непосредственным как с иным и определяет его как условие, т. е. определяет это свое «в себе» как свой собственный момент. — Эти две стороны так *предполагают* целокупность, что она есть то, что полагает их. И наоборот, так как они *предполагают* целокуп-

ность, то кажется, что целокупность в свою очередь обусловлена ими и что суть дела возникает из своего условия и из своего основания. Но поскольку обе эти стороны оказались тем, что тождественно, исчезло соотношение условия и основания; они низведены до *видимости*; в своем движении полагания и предполагания абсолютно необусловленное есть лишь движение, в котором эта *видимость* снимается. Действие сути дела состоит в том, чтобы обуславливать себя и противопоставлять себе свои условия как основание; а ее отношение как соотношение условий и основания есть *видимость внутри себя*, и ее отношение к ним — это *ее слияние с самой собой*.

с) Переход сути дела в существование

Абсолютно необусловленное есть абсолютное основание, тождественное со своим условием, непосредственная суть дела как истинно существенная. Как *основание* она отрицательно соотносится с самой собой, делается положенностью, но такой положенностью, которая и с той, и с другой своей стороны есть полная рефлексия и тождественное в них с собой отношение формы, [т. е. такое], каким оказалось ее понятие. Вот почему эта положенность есть, *во-первых*, снятое основание, суть дела как лишенное рефлексии непосредственное — сторона условий. Эта сторона есть *целокупность* определений сути дела — сама суть дела, но ввергнутая во внешность бытия, восстановленная сфера бытия. В условии сущность освобождает единство своей рефлексии-в-себя как такую непосредственность, которая, однако, имеет теперь определение — быть *обуславливающей* предпосылкой и составлять по существу своему лишь одну из сторон сущности. — Вот почему условия — это все содержание сути дела, так как они необусловленное в форме бесформенного бытия. Но благодаря этой форме они имеют еще и другой вид, нежели определения содержания, каково содержание в сути дела, как таковой. Условия являют себя как лишенное единства многообразие, смешаны с несущественным и с другими обстоятельствами, не принадлежащими к сфере наличного бытия, поскольку оно образует условия этой *определенной* сути дела. — Для абсолютной неограниченной сути дела

условием служит *сама сфера бытия*. Основание, возвращающееся в себя, полагает ее как первую непосредственность, с которой оно соотносится как со своим безусловленным. Эта непосредственность как снятая рефлексия есть *рефлексия* в стихии бытия, которое, стало быть, как таковое, развивается в нечто целое; форма как определенность бытия разрастается и потому являет себя как многообразное содержание, отличное от рефлексивного определения и безразличное к нему. Несущественное, которое сфера бытия имеет в самой себе и которое она, поскольку она условие, сбрасывает с себя, есть та определенность непосредственности, в которую погружено единство формы. Это единство формы как отношение бытия есть в бытии прежде всего *становление*, переход одной определенности бытия в другую. Но становление бытия — это, далее, становление сущности и возвращение в основание. Следовательно, наличное бытие, составляющее условия, в действительности не определяется чем-то иным как условие и не используется этим иным как материал, а делается через само себя моментом чего-то иного. — Далее, его становление не означает, что оно начинает с себя как с поистине первого и непосредственного; его непосредственность — это лишь предположенное, а движение его становления — действие самой рефлексии. Истина наличного бытия состоит поэтому в том, что оно есть условие; его непосредственность имеет место (*ist*) лишь через рефлексию отношения основания, полагающего само себя как снятое. Тем самым становление, подобно непосредственности, есть лишь видимость безусловленного, поскольку безусловленное предполагает само себя и имеет в этом предположении свою форму; поэтому непосредственность бытия по существу своему есть лишь *момент* формы.

Другая сторона этой видимости безусловленного — это отношение основания, как таковое, определенное как форма в противоположность непосредственности условий и содержания. Но она форма абсолютной сути (*der Sache*), которая имеет в самой себе единство своей формы с самой собой или свое *содержание* и которая, определяя содержание как условие, в самом этом полагании снимает его разность и превращает его в момент; точно так же и, наоборот, как лишенная сущности форма, она сообщает себе в этом тождестве с собой непосредственность устойчивости. Рефлексия основания снимает непосредственность

условий и соотносит их, делая их моментами в единстве сути дела; но условия — это предположенное самой свободной от [внешних] условий сутью дела, и, следовательно, тем самым она снимает свое собственное полагание; иначе говоря, этим ее полагание непосредственно делает само себя и *становлением*. — Поэтому и то и другое — одно единство; движение условий в них самих — это становление, возвращение в основание и полагание основания; но основание как положенное, т. е. как снятое, есть непосредственное. Основание соотносится с самим собой отрицательно, делается положенностью и основанием условий; но лишь тем, что непосредственное наличное бытие определяется таким образом как нечто положенное, основание снимает его и делается основанием. — Таким образом, эта рефлексия есть опосредствование свободной от [внешних] условий сути дела с собой через свое отрицание. Или, вернее, рефлексия безусловленного есть, во-первых, предположение, но это снятие ее самой есть непосредственно определяющее полагание; во-вторых, она тем самым есть непосредственно снятие предположенного и спонтанный процесс определения; вот почему этот процесс определения есть в свою очередь снятие полагания и становление в самом себе. В этом становлении исчезло опосредствование как возвращение к себе через отрицание; оно простая, имеющая видимость внутри себя рефлексия и лишенное основания абсолютное становление. Движение сути дела, состоящее в том, что ее полагают, с одной стороны, ее условия, а с другой — ее основание, есть лишь *исчезание видимости опосредствования*. Полагание сути дела есть, стало быть, *выступление*, простой выход (Herausstellen) в существование, чистое движение ее к самой себе⁵¹.

Когда налицо все условия какой-нибудь сути дела, она вступает в существование⁵². Она есть раньше, чем она существует, а именно, она есть, во-первых, как сущность или как безусловленное; во-вторых, она обладает наличным бытием или определена, и определена рассмотренным выше двойным образом: с одной стороны, в своих условиях, а с другой — в своем основании. В своих условиях она сообщила себе форму внешнего, лишенного основания бытия, ибо как абсолютная рефлексия она отрицательное соотношение с собой и обращает себя в свою предпосылку. Это ставшее предпосылкой (vorausgesetzte) безусловлен-

ное есть поэтому лишенное основания непосредственное, бытие которого состоит лишь в том, что оно налично как лишенное основания. Таким образом, когда все условия сути дела налично, т. е. когда целокупность ее положена как лишенное основания непосредственное, это распыленное многообразие *становится внутренним* в самом себе. — Вся суть дела целиком должна наличествовать в своих условиях, иначе говоря, для ее существования требуются все условия, ибо *все* они составляют рефлексю; другими словами, наличное бытие, так как оно условие, определено формой; его определения суть поэтому рефлексивные определения и с каждым из них существенно положены и другие. *Приобретение* условиями *внутреннего характера* — это прежде всего исчезание в основании непосредственного наличного бытия и становление основания. Но тем самым основание есть положенное основание, т. е. в той же мере, в какой оно основание, оно и снято как основание, и есть непосредственное бытие. Следовательно, когда налично все условия сути дела, они снимают себя как непосредственное наличное бытие и как предпосылку, и точно так же снимает себя основание. Основание оказывается лишь видимостью, которая непосредственно исчезает; это выхождение (*Uergvortreten*) есть тем самым тавтологическое движение сути дела к себе, и ее опосредствование условиями и основанием есть исчезание и условий, и основания. Выхождение в существование потому столь непосредственно, что оно опосредствовано лишь исчезанием опосредствования.

Суть дела возникает из основания. Она основывается или полагается им не так, что основание еще остается внизу; нет, полагание есть движение основания к себе самому и простое его исчезание. *Соединяясь* с условиями, основание обретает внешнюю непосредственность и момент бытия. Но оно обретает их не как нечто внешнее и не внешним соотношением, а как основание оно делается положенностью, его простая существенность сливается с собой в положенности и есть в этом снятии самого себя исчезание своего отличия от своей положенности и, стало быть, простая существенная непосредственность. Следовательно, основание не остается чем-то отличным от основанного; истина основывания состоит в том, что основание в нем соединяется с самим собой, и, стало быть, его рефлексия в иное есть его рефлексия в само себя. Вот

почему суть дела, подобно тому как она *свободна от [внешних] условий*, точно так же она есть то, что *не имеет основания*, и выступает из основания, лишь поскольку основание *исчезло* и поскольку его уже нет, — выступает из того, что не имеет основания, т. е. из собственной существенной отрицательности или чистой формы.

Эта опосредствованная основанием и условием непосредственность, ставшая через снятие опосредствования тождественной с собой, есть *существование*.